

*Страшный Суд. Эскиз росписи Владимирского собора в Киеве.
Художник В.М. Васнецов. 1885–1896*

УДК 11:17:27-175

С.А. Нижников

А.А. Лагунов

**Нижников С.А.*,
Лагунов А.А.****

Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. эсхатологическое измерение социальной жизни

*Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Российского университета дружбы народов (Москва)

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-5597-1785>

E-mail: sergey-a-nizhnikov@j-spacetime.com; nizhnikovs@mail.ru

**Лагунов Алексей Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и теологии Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь)

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-8498-6449>

E-mail: alexey-a-lagunov@j-spacetime.com; emailag@mail.ru

В статье в диалогической форме обсуждается проблема забвения человеком эсхатологического измерения социальной жизни, направленной в условиях современности на удовлетворение текущих потребностей. Данное положение вещей рассматривается как фактор деградации общества, отказывающегося от телеологических ориентиров, обуславливающих смыслы существования личности.

Ключевые слова: эсхатология; трансцендентное; пантеизм; позитивизм; постмодернизм; христианство; социальная жизнь; личность.

Фил. Вспомнилась мне старая история, анекдот, только не смешной, особенно теперь, в эпоху новых гонений на христиан... Во время службы в церковь врываются люди в масках и требуют стать всем христианам к стене. Народ в панике бежит, и у стенки остается только несколько человек (при-

чем среди них – далеко не весь клир). Главный нападающий снимает маску и говорит: «Ну, а теперь, батюшка, начнем Литургию». Преувеличение, конечно, но есть повод задуматься. Все ли сегодня готовы отдать жизнь за свои идеалы, за свою веру? Вернее, поставим вопрос так: много ли таких? Убежден, что сегодня вновь наступает эпоха борцов, а не кабинетных ученых. И времени осталось совсем мало, это буквально ощущается, «носится в воздухе», – не до конца времен, конечно, а до «точки невозврата» к Православию для нашей с тобой Родины – несмотря на множество объявляющихся повсюду «поборников Православия» (и объявляющих себя таковыми). Сказанное не есть проявление пессимизма. Христос и не обещал нам нравственного государства, в котором воплотятся идеалы справедливости на этой грешной земле.

Соф. Мне кажется очень важной затронутая тобой тема «точки невозврата». Она связана с утратой эсхатологического измерения жизни в целом: и общества, и личной. Эсхатология – самое прямое, непосредственное следствие действительной веры. Иначе: нет веры без эсхатологии¹. И тогда все переворачивается, все ценности. Обретается истинное понимание своего места в мире, обществе, семье. Начинается все с понимания того, что есть только «сегодня», а «завтра» уже может не быть. По крайней мере, сегодня во многом определяет завтра. И есть только «ты в своем поступке», т.е. в том смысле, что только от тебя зависит твое действие и его последствия, и ты несешь полную ответственность как «здесь и сейчас», так и в вечности. Первые христиане, все святые, все истинно верующие потому таковыми и являются, что в них пробудилось эсхатологическое сознание. А ведь оно – эсхатологическое сознание – дано нам изначально, просто осознанием факта нашей смертности. Все знают о своей конечности, но не все делают из этого выводы, т.е. не все осознают его, не все делают этот эмпирический факт еще и «фактом» своего самосознания. Вот ведь удивительное дело: человек живет, игнорируя самый существенный факт своего существования – свою смертность. Создается впечатление, что современная культура как будто бы специально создана для того, чтобы отвлечь человека от этого «факта» чем угодно: борьбой за права, равенство, свободу, демократию и т.д. Все эти необходимые вещи вдруг становятся главными, подменяют собой первичный факт нашей смертности. А ведь должно быть наоборот: только исходя из эсхатологического измерения жизни можно правильно выстроить иерархию ценностей и в мире социальном, природном, личном и каком угодно.

Наш нынешний «прогресс» или наше нынешнее понимание человеческого прогресса никак не коррелирует с метафизикой, с божественным представлением о прогрессе (если допустимо так выразиться). Наш «прогресс» может по сути оказаться самым настоящим регрессом – и это есть путь к Страшному Суду. Христианство поразительно антиномично и разумно в своей антиномичности: Страшный Суд неизбежен, так как мир и человек на деле не прогрессируют в духовно-нравственной сфере. Вместе с тем, в христианстве человеку с его свободой открывается поприще для деятельности, для привнесения добра в этот деградирующий мир. Нужно спасать то, что можно спасти, и стремиться спасти всех и все, при этом осознавая тщетность этих потуг, и тем с большим усердием осуществлять деятельность добра.

Мудрость не формально-логична. Например, мы знаем, что мы смертны здесь на земле, тем не менее, мы все делаем, чтобы строить свою жизнь. Иначе будет самоубийственный платонизм или материализм. Регресс осуществляется в самом прогрессе. Это обусловлено падением человека и наличием зла. Но и в самом регрессе осуществляется прогресс, что обусловлено помощью, исходящей от Бога и доброй волей самого человека. Все это каждую секунду взаимодействует, порождая вектор развития. И мы участвуем в определении этого вектора. Но Богу он известен, а нам дан в Откровении. И я разумно его принимаю, вижу глубочайший смысл и разумность этой эсхатологической идеи. Она дает простор и человеческой свободе, делает человека предельно ответственным, ужасает его и дарует надежду одновременно – в противоположность богочеловечеству, этой вавилонской башне, которую строят многие наши философы (хотя в Библии уже все сказано на этот счет, и чем эти потуги заканчиваются).

Обратимся к библейской мудрости: страх – начало премудрости. Он может быть вначале перед грозным Отцом, но должен переходить на метафизический уровень – страх согрешить, страх нарушить закон любви и добра. Второй страх, однако, не отрицает первый, а включает его в себя. Ведь Бог и Господин всей твари. И везде во всем есть своя иерархия, за исключением, разве что, представлений нашей интеллигенции о либерализме и демократии.

Страх – замечательная вещь, необходимая вещь. Поэтому в православии страх Божий называют Божественным даром, который надо заслужить, который надо заработать. И он просвещает, этот

¹ Нижников С.А., Гребешев И.В. Генезис и развитие метафизической мысли в России. М.: Руниверс, 2016. С. 462.

страх, и углубляет любовь и предохраняет ее от соблазнов. Страх делает человека бдительным и собранным. Но именно такой страх, а не ужас – я говорю о просвещающем и охраняющем страхе, – Страхе, который учит и который свыше. Скажу больше, без страха не родится настоящая глубокая любовь. Но, родившись, любовь объемлет страх. Страх предохраняет любовь от впадения в прелесть и лжеучения, не следует забывать, что не должно быть Божьего Страха без Любви.

Человек же, утратив Страх, утратил и Любовь, и превратился в животное, ищущее удовольствий. Еще конец света не наступил, вроде бы, а он уже умер. А может быть и по-другому: Страшный Суд уже наступил, а люди его и не почувствовали, они продолжают жить как жили. То есть их уже нет как *людей*, но они не могут ничего осознать, ничего услышать. Даже страдания не могут уже обратить их к самим себе. Человеческое существование уже завершилось, осталось одно доживание, по инерции... То, что творится сейчас в мире, подтверждает это. Пример с «великими» североатлантическими демократиями: их лидеры, оппозиция и мировое сообщество – что они все делают? Почему никто не пытается толком вступить в общение? Нет никакого диалога, все провозглашают одни ультиматумы. И как результат – очередные бомбежки. Это что за способ решения проблем? Это же современное варварство! А недавние природные катаклизмы, усугубляющиеся технологическими? И как все затаились – лишь бы их не коснулись ни сами катастрофы, ни их последствия... Мир измельчал! Нет уже ни действительно мирных инициатив, ни мук совести правителей (которые расцениваются сейчас как слабость), ни их самопожертвования.

Модно, правда, апеллировать к «народу». Но что понимать под ним? Для меня это понятие метафизическое и непререкаемое, которое не всегда совпадает с понятием населения или электората. «Народ» – это божественный замысел о коллективном субъекте истории, которому мы, его отдельные члены, или все вместе можем не только не соответствовать, но и противоречить, разрушать. По аналогии можно привести пример с Церковью Небесной и Земной: это два нерасторжимых образа единой Церкви, умозрительной и эмпирической, вместе с тем они зачастую вступают в противоречия. То, что земной образ «народа» не соответствует его замыслу – это так в какой-то степени, и даже неизбежно. Вместе с тем, огромную часть вины за это несет не собственно народ, а его интеллектуальные поводыри. И это не просто политическая власть а, прежде всего, наша «интеллигенция». Часть интеллектуальной «элиты» нашей не от народа нашего, т. е. не его интересы реализует, защищает. Она самоутверждается перед заокеанскими заказчиками, отдавая себя и народ на заклятие различным «-измам»: капитализмам, социализмам, демократизмам, либерализмам, не всегда даже осознавая это. Принимает *там* выработанные для нас стереотипы как *свои* жизненные задачи.

Истинно же верующих никогда не было много (и, наверное, не может быть много в этом мире), но и ради одного или нескольких Бог может спасти народ и страну. Ведь «не стоит село без праведника». К тому же, Христос не праведников приходил спасать, а грешников! Так что у нас с тобой еще не все потеряно. А праведников-то нет, ибо все мы грешники, и больше всего грешниками считают себя те, кого после смерти называют «праведниками». Зато у нас много «праведников» в политике, в интеллектуальной и медийной среде. Здесь их просто пруд пруди. И каждый готов силой доказать, что праведнее прочих.

Фил. Действительно, факт временности есть непрменный атрибут и нашей жизни, и жизни всего мира. В начале имплицитно содержится завершение. И, наверное, наоборот. Я не имею здесь в виду, конечно, концепцию метемпсихоза, поскольку апелляция к ней есть лишь уход в дурную, и к тому же «беспамятную» бесконечность, которая уже сама по себе противоречит эсхатологическим представлениям, имманентным объективному пониманию жизненного процесса.

Ты совершенно прав насчет наступления Страшного Суда, во всяком случае, Царствие Божие, в христианской терминологии, не где-то в заоблачных высотах, оно близко. И даже больше: оно уже есть, причем не просто «здесь и сейчас», поскольку пространственные и временные предикаты к нему неприменимы, а «везде и всегда», хотя это, наверное, и не совсем точно сказано. Словами присутствие Царства Божьего в нашей жизни выразить невозможно, только мыслью. Но, как уже давно известно, «мысль изреченная есть ложь». Однако, по-видимому, это не означает обреченности на одиночество мыслящей личности. Есть и другие средства обмена «информацией», если позволительно так выражаться. Есть духовный опыт, духовный познавательный инструментарий и духовная коммуникация. (Они очевидны, как говорится, на поверхности, однако далеко не всеми понимаются и принимаются.) Отсюда – и символ сердца в христианстве, и превалирование сердечного познания Истины над рациональным.

Мне кажется, опыт сердца и опыт разума не исключают друг друга. Последний лишь оформляет (не дополняет!) первый. Однако, кажется, с подачи немецкого мыслителя, осуществившего гносеологический поворот в философии, как-то утвердилось мнение о том, что разуму свойственны анти-

номии, когда он соприкасается с трансцендентным. Если мы мыслим о вечном, безусловном, абсолютном, разум предоставляет нам одно верное решение, если же о преходящем, условном, относительном – другое, но тоже верное. Так якобы возникают одинаково имеющие право на существование противоположные космологические утверждения – о начале и границах мира (тезис – мир имеет начало во времени и конечен в пространстве; антитезис – безначален и бесконечен); о возможности существования простых частей сложной вещи (тезис – все сложное состоит из простого; антитезис – ничего простого нет); о допустимости свободной причинности (тезис – допустима свободная причинность; антитезис – свободы нет, только законы природы) и о безусловно необходимом существе как части или причине мира (тезис – оно есть; антитезис – нет). Но только ли четыре антиномии свойственны человеческому разуму, и только ли они космологические? А в этике? Амбивалентность любви и ненависти, взаимообусловленность (конечно, только в тварном мире) добра и зла, соотнесенность святости и греховности, неразрывность свободы и необходимости – разве можно пройти их «стороной»? И даже в грубо-материальном физическом мире, где духовность, если и есть, то только в потенции, мы встречаем, пусть и не совсем антиномии, но одинаково имеющие право быть противоречия: свет и тень, притяжение и отталкивание, действие и противодействие, и несть им числа. Мир соткан из противоречий, как выразился классик нашей философии. Или же мы соткали эти противоречия, через которые пытаемся понять мир? Разум человека диалектичен, Истину мы всегда ищем где-то в промежутке между противоположными утверждениями о чем бы то ни было. А если призвать на помощь сердце? Может ли оно стать тем мерилем, которое сглаживает противоречия «у стены Рая»? Думается, может, но только тогда, когда мы его ощутим в себе и сделаем эти ощущения доминирующими в сознании и жизни. Это и есть, как представляется, узкий путь в Царство Божье, путь святости, который доступен очень немногим.

Духовная аскетика призывает нас к сердечной молитве. Но возможно ли разумом понять направление истинного пути христианина? Если нет, то для чего он тогда дан нам Богом, и откуда исторически устойчивые представления о разуме малом, подобном Большому? Здесь – апология философии, апология *homo sapiens*. Защита человеческой свободы. И оправдание человека, его способности верить. Христианство – религия не индивидуального спасения, а спасения соборного, церковного. Однако далеко не все представители человечества способны к аскетическому подвигу, многие нуждаются в путеводителе. И таким путеводителем может стать только слово, понятое разумом и открывающее дорогу к сердечным глубинам. Важной становится миссионерская деятельность.

И, по большому счету, мы снова встречаемся с антиномией. В абсолютном аспекте мир приближается к своему концу (или же уже достиг его), и человеческие усилия изменить ситуацию, изначально детерминированную, тщетны. В относительном же – все мы ответственны за всех и за все, и, понимая это, обязаны не ослаблять свои старания по преобразению условного мира. Иначе не наступит и безусловное Царство Божье. Парадокс? Нет, всего лишь жизнь, полная чудес и обыденности. Погруженный в последнюю, человек всегда мечтал о первых. Он ставил перед собой предельные (эсхатологические) цели, трансцендентные и безусловные. Не всегда (далеко) при этом истинные, но всегда верные (поскольку в них верил). Так появлялись ереси – не только манихейство или, допустим, монофизитство, но и утопии о Городе Солнца, о светлом и обязательно коммунистическом будущем, о глобализирующемся вокруг сытной миски (существующей только в затуманенном определенной идеологией воображении) мировом пространстве. И все это – не просто ереси, но ереси, имеющие в своем основании эсхатологические представления, которые, как было сказано ранее, имманентны человеческому сознанию.

Живучесть же и страшная сокрушительная сила всякой ереси в том, что она – тоже вера. И деформированное сердце начинает служить последней всей силой, данной ему от Бога. Сатана («противник» – не начало ли это антиномий и противоречий, ткущих наш падший мир?) поверил в возможность противостоять Единому (а был-то ведь не из последних, напротив, из первых – Люцифером, светоносцем!). Человек поверил в свою исключительность. Фашисты – в абсолютную исключительность самих себя. Коммунисты – в исключительность своей идеологии и – пролетариата. Жадные и ущербные, с христианской точки зрения, держатели акций, «владельцы заводов, газет, пароходов» – в безнаказанность своего потребления и в непререкаемость весьма своеобразно понимаемых ими (не без учета интересов прибыли) либерально-демократических ценностей. Все во что-то поверили, и в результате Вера оказалась за бортом. Но, слава Богу, не для всех.

Недавно от одного из социальных философов я услышал странную и совершенно непонятную мне вещь. Оказывается, не следует беспокоить Бога «по пустякам». В социальной философии понятие о Боге не требуется, нужно изучать реальность с разных точек зрения, как бы разрезая ее на ана-

литические пласты, и при этом само Общество предстает некоторой объективной реальностью (Левиафаном?), которая самоорганизуется только посредством человеческого действования, исключая при этом влияние Высшей Силы. Есть вещи, которые я просто не понимаю. Значит, в быту – верую, а на работе об этом забываю? А поскольку работа наших интеллектуалов заключается в каком-никаком, но творчестве, то творю сам, не призывая Бога в соратники. Я могу понять атеиста (хотя и не принимая его точку зрения). Он, по крайней мере, последователен. Но вот это вот... А как же «путь и истина и жизнь»?

По этому поводу мне вспоминается распространенная мифологема о «праздном боге», передавшем свою начальную власть над миром преемникам в результате теомеханики, так сказать, смены поколений богов (все, опять же, как у людей). Язычники в самых разных регионах мира для разрешения своих трудностей обращаются вначале к колдунам, приносят жертвы различным специализированным богам, но, если не видят результата, вспоминают о первоначальном и высшем существе, каются, заверяют, что помнят его и просят помощи. Если разобраться, все очень логично и в пределах рассудочности. Наш верящий интеллектуал тоже при решении проблем использует все возможности сугубо «научного» арсенала, под которым непременно понимаются, скажем так, не атеистические, но без-божные средства (в том смысле, что они «не беспокоят» «спящего» Бога, обходятся без Него). Наверное, это потому, что он не воспринимает свою науку как часть собственных пути и жизни, в которых Бог уже очень важен и нужен (по крайней мере, этому интеллектуалу так кажется). В науке же ему вполне помогают справиться «идолы», поскольку он, в конечном счете, серьезно к ней не относится.

Соф. Пожалуй, я начну издали. Как ты смотришь на ростовщичество? В последнее время определенные мыслители начали с ним непримиримую борьбу.

Фил. К ростовщичеству? Так же, как и христианская Традиция, не искаженная протестантизмом. Безусловно, это грех – наживаться на ближних своих и дальних. Причем очень устоявшийся грех, вросший, так сказать, в современность, поэтому совсем небезосновательно считать его важнейшей причиной глобального финансово-экономического кризиса. Однако бороться с этим грехом «в лоб» совершенно бесполезно, следует все же начинать с наших «болезней головы», которых предостаточно. В конечном счете, все разнообразные наши кризисы обуславливаются кризисом нравственности.

Соф. Я тут полностью с тобой согласен. Ведь мы так и частную собственность тоже должны объявить извращением, ибо в истине человек всем жертвует для других. И государство не нужно, так как человек должен организовывать жизнь совместно с другими людьми на основе абсолютных божественных установлений, а не условных государственных законов. Так, глядишь, мы превращаемся в коммунистов и анархистов. Да еще бы уничтожить эти пороки раз и навсегда при помощи какой-нибудь революции – и уже многомиллионными жертвами пахнет. И все это, увы, мы уже на практике проходили. Похоже на то, что бывшие диаматчики взалкали опять царства небесного на земле. Решили начать с ростовщичества... А благими намерениями известно что строится... Да ведь и вообще человек эгоистическое существо, так, может быть, и от него как-нибудь избавиться? Решить вопрос радикально? Он не соответствует образу. А тут такие мелочи – ростовщичество.

Неодиаматчики унаследовали христианский импульс к справедливости и равенству, но утратили духовную подоплеку всех этих стремлений, поэтому в итоге у них не Царство Божие, а все какой-нибудь «отец народа» выходит. Подобное и у наших «верящих постмодернистов», которые не хотят «Бога по пустякам отвлекать». Ты знаешь, это известная установка, и она зафиксирована то в качестве деизма, то, как его продолжение – позитивизма. А большая часть современная западная социология (исключения здесь, разумеется, существуют, но не о них сейчас речь) и наш социологический плагиат с этих западных концепций – позитивистские! То есть изначально исходят из позитивистской установки, ее даже не обсуждая. Это, как и диамат, такая «дурная», или «глупая» метафизика, которая сама себя не осознает метафизикой, называя себя то эмпиризмом, то материализмом, то позитивизмом, то постмодернизмом. Материалисты, позитивисты с их деистической верой, постмодернисты – не атеисты это все, а идолопоклонники. Но даже сами того не сознают, что идола поклоняются. Не осознают, что вера может быть только одна и всеобъемлющая, а не на работе одна, дома – другая, в социологии – все объективно, а по воскресеньям – в храм. Но этот-то храм, в который сами могут ходить, из своего социологического мировидения исключают. А другие храмы и вовсе стараются не замечать их существования и того, что люди туда все еще приходят. Разные плоды произрастают на этом древе. Как ты хорошо сказал: «Все во что-то поверили, и в результате Вера оказалась за бортом». А что наша современная культура и цивилизация имеют метафизическую христианскую основу (которая сейчас трещит по всем швам) – этого исторического факта идолопоклонники

от «науки» тоже в упор не видят. Он просто не вписывается в их «картину мира», в их «слоеный пирог». Это потому что мозги у них уже в виде этого «пирога» – слоями. И один слой не подозревает о существовании другого. Какой предмет для психоанализа! А может быть, фрейдизм и возник на основе анализа такого невротическо-шизофренического сознания?

Ты глубоко заметил, что из этой позитивистской точки зрения вырастает Левиафан, который может принимать различные обличья, в зависимости от того, какой «фокус» у этого сознания – диалектико-материалистический, постмодернистский, либеральный и т.д. Позитивистский вирус уничтожает все органическое, так как ему нечего противопоставить в этой пустой голове, ведь «правды нет и выше», а значит – «все позволено» и можно хозяйничать любым «-измам», громя все, что береглось и вызревало веками. Похоже, что все разновидности позитивизма (от материализма до постмодернизма) – это вырожденные деизм и протестантизм, продукт безбожной технократической сциентистской цивилизации. При этом значение личности в истории и жизни сводится к нулю. Отсюда и полное пренебрежение, забвение и уничтожение морали. Личность превращается в сырьевой материал для построения то ли коммунизма, то ли либеральной демократии, то ли постиндустриального общества. Что там еще придумают и подбросят из-за океана для нашей интеллигенции? Они же не могут жить без «дела», им все время надо что-то «строить», сперва разрушив до основания уже построенное не ими и ввергнув народ и страну в очередную смуту.

Хотел бы остановиться и на твоём высказывании: «Христианство – религия не индивидуального спасения, а спасения соборного, церковного». Думаю, что одно нельзя противопоставлять другому и отрывать от другого. Но в основе все же – спасение личное! В этом новизна всех мировых религий, новизна «осевого времени». Новая духовность обращается к человеку как к отдельной автономной личности. И только с этих позиций может не быть «ни эллина, ни иудея» – все равны во Христе. Даже народ вторичен, даже родовые священные узы – вторичны! Государство – тоже вторично. И даже Церковь не самоцель! – Это институт, долженствующий способствовать спасению, ведущий к нему, но не способный подменить его. Спасение – дело Христово, таинство, доступное только Богу. Но спасенные лично обретаются соборно – в Царствии Небесном. В этом смысле грех католичества в том, что Западная Церковь сама решила стать Христом, сама взяла на себя право карать и миловать. Не выдержала искушения, поняв участие в жизни мира как установление власти над ним, по мысли о. А. Шмемана. Церковь не должна подменять собой веры, но открывать пути к ней! Церковь должна служить, а не властвовать, помогать, а не повелевать, умирять страсти, а не осуществлять насилие. Вместе с тем личное спасение не отменяет соборного, общинного, народного, церковного, всечеловеческого. Но они возможны только на основе личного спасения. Без праведника не будет никакого собора. И сама Церковь вырождается, если в ней не будет святых.

Я давно думаю над проблемой, почему так произошло, что, начиная с эпохи Возрождения, Церковь и общество пошли различными путями? Общество – всегда деградирующая инстанция, но Церковь? Что такое случилось с ней, что она настроила против себя общество? Вина здесь – исторической Церкви. Отсюда вытекает и необходимость воцерковления современного общества. Но как это возможно? Только через радикальное преображение Церкви! Не должно быть средостения между нею и обществом, клиром и мирянами. При этом нельзя мыслить этот процесс как антицерковный: не *против*, а *за* и *во имя* Церкви! Не нарушение, а восполнение! Между Церковью и миром всегда будет определенная разница (весь мир не может воцерковиться по духу), но она не должна быть искусственно возведенной – все препоны должны быть устранены и движение веры не должно наткнуться ни на какие ограды и преграды.

Ты говоришь, что «опыт сердца и опыт разума не исключают друг друга». Безусловно. И с другим я полностью согласен, – что вера больше разума. Вера включает в себя разум, но идет дальше него, указывает на трансцендентное, недоступное, непостижимое для разума. Но «разумный» разум тоже должен принять в себя веру, осознать, что без веры он вырождается в рассудок, ограничивает себя и деградирует. Разум должен просвещать себя верой. Рассудок – непросвещенный верой, ограниченный, «падший» разум. Его жалко. Но на этом рассудке построены современные «-измы», особенно «-изм» либерально-постмодернистский. Это какой-то разврат ума, отрицание философской, духовной свободы как самоограничения. В нашем либерализме возвеличена плебейская свобода, анархическая и греховная. Истинная возвеличивающая человека *свобода-ответственность* предана забвению как некий анахронизм. Наши псевдо-либералы – это современные варвары, стремящиеся разрушить общество, основанное на ценностях и нормах (а без них общества и вовсе нет). Для них это ругательное «традиционное общество», где люди еще не развращены, не хотят «свободно» предаваться греху. Любые ограничения рассматриваются ими как нарушение «свобо-

ды». Им невдомек, что свобода возможна только на основе ограничения поведения человека моралью и законом. Нельзя, например, «защищая» какую-либо одну «избранную» статью Конституции (все другие при этом предаются забвению), нарушать действующее законодательство.

И начинать всякие преобразования при этом необходимо с себя родного, а не с очередных революций. Но они ведь все большевики: проще насильственно изменять все вокруг, чем самого себя. И если власть свергнуть тогда, глядишь, и президент какой-нибудь «цивилизованной» страны встанет на защиту. При этом мнение собственных граждан не интересует. Главное – похвальные отзывы зарубежных спонсоров и идеологов разрушения Отечества изнутри. Наши любители «свободы» готовы скорбеть по каждому узнику своей бессовестности, но множество простых граждан, действительно нуждающихся в защите, их не интересует. Из-за рубежа за это не заплатят, сделать себе глянцевый имидж на этом сложно – это ведь незаметная трудная работа по строительству реального народовластия, а не разговоры про «свободу» и «демократию».

Фил. Говоря о возможности соборного спасения, я имел в виду не институциональную церковь (ты, как кажется, говоришь именно о ней, и очень верно), и даже не Церковь Небесную, а мистическую (лучше – таинственную) становящуюся Церковь, причащающуюся Телу Христову. В нее одинаково входят и клир, и миряне, и именно она способна приближать нас к Истине, которая соборна, и именно в ней реально раскрывается человеческая свобода, действительно подобная Божественной и исключая субъективный произвол. Святые, пророки, подвижники и даже теологи, вообще, отдельные личности в богатстве их индивидуальности, конечно, необходимы в жизни Церкви, но как органично включенные в ее целостность части, развивающие ее. Так всегда в жизни. Размножаются всякие клетки по отдельности, однако в итоге растет весь организм. При этом клетка просто обязана жертвовать собой в определенный момент, заменяясь новой. Если же она начинает «работать» на себя, то это всегда раковая опухоль и возможные гибельные последствия для целого. Кажется, нечто подобное происходит сегодня с нашим без меры индивидуализирующимся обществом. В этом смысле спасение нашей общественной жизни есть, прежде всего, ее воцерковление.

«Но...». Не находишь, что этот предлог всецело антиномичен? «Дело обстоит так-то и так-то, и это правильно, но... если уж совсем по-честному, то все как раз наоборот». Но весть о Страшном Суде дана нам в Откровении. Его не может не быть, и когда он наступит (или уже наступил? или всегда происходил?), праведников будет немного, а значит, Церковь не станет вселенским организмом. Более того, восторгается антихрист. И это богодухновенное пророчество мы не можем не принимать во внимание.

Получается, усилия Церкви тщетны? Не совсем. Жатва возможна только тогда, когда созреют и зерна, и плевелы, и на это снова указывает нам Писание. Если вызреют только плевелы, вполне понятно, Жатвы не будет вовсе. Однако всем представителям рода человеческого невозможно деградировать. Более того: невозможно полностью деградировать даже всякому отдельному человеку. Душа, совесть, сердце не только свидетельствуют о нашем подобию Богу, но и не дают стать Его окончательными противниками. А без души, совести, сердца нет и человека. Даже в самом падшем состоянии он дорог Богу, даже активно убегая от Него, он на финише всегда встречает Его.

Церковная деятельность необходима, прежде всего, личности, ведь судиться будет (уже судится, пока живет) именно она, а не Церковь, не общество. В православной философии разработана прекрасная категория, чуждая и непонятная многим – «соборность», единство в личностном многообразии, возможное посредством энергии Любви, актуализирующейся в процессе синергии, взаимной интенции Бога и человека. Поэтому, как мне кажется, в Православии неуместно говорить об индивидуальном или же «коллективном» спасении, оставим это дело неотомистам, гораздо правильнее констатировать спасение соборное.

Соф. Я согласен с твоими аргументами, но позволь внести некоторые уточнения. Пример с клеткой нельзя мыслить буквально, ибо клетка в организме не может существовать без него ни в каком смысле. Она не просто интегрирована, она полностью детерминирована. А личность – свободна, и сохраняет свою свободу в соборной целостности. Бог не сотворил всех скопом, а каждую человеческую душу индивидуально. И у каждой – свой особый смысл жизни, своя миссия и свой крест. И в Царствии Небесном души будут пребывать не в куче, а каждая занимать свое «место», хотя и совместно с другими. Каждая личность в своей основе божественна, свободна и автономна, но все личности объединяет любовь к Истине, Творцу. Объединяясь и приближаясь к Богу, суверенность личности не умаляется. Иначе мы получим пантеистическое смешение личности и абсолюта, Атмана с Брахманом. Не так в христианской духовности, где невозможно отождествление с Богом, а лишь

бесконечное уподобление Ему по благодати. Человек как сотворен индивидуально и неповторимо, таким и остается во веки вечные. Он монада, но с окнами для взаимного общения с другими человеками и Богом – открытая монада. Цель человеческой личности – не самопожертвование, а реализация заложенных в ней возможностей, самореализация по предначертанному Богом плану, который не устраняет, а, напротив, предполагает человеческую свободу. Самопожертвование – это не цель, если мыслить его буквально, но возможная необходимость. Альтруизм – аморален так же, как и эгоизм. Человек рожден, чтобы жить, а не чтобы умирать. Но если приходится погибать, то он должен быть к этому готов. Хотя даже Христос не хотел умирать на кресте.

Нигилизм, свойственный многим нашим интеллигентам, не хочет считаться с реальностью. Это – дурной, искаженный, извращенный идеализм, приводящий к забвению земного мира, преданию его анафеме ради некоего занебесного мира (коммунизма, «демократии» и т. д. – это все «платонизм» нашей интеллигенции). Им подавай царство божье здесь и сейчас и на блюде с каемочкой, а если нет – то пусть все горит ярким пламенем. У них нет ни надежды, ни веры, ни любви. А как без них что-то строить? Даже семья не получится, и дети не родятся. Но им не надо ни семьи, ни детей, – сразу подавай «демократию». При этом они объединяются в ругани настоящего, огульно критикуют власти, сами не желая даже пальцем пошевелить. Насколько же мудрее вера, которая принимает власть и осознает ее необходимость. Только вера может растопить этот пожирающий нашу интеллигенцию, а от них общество и государство, нигилизм, ибо Вера дарует и Надежду, и Любовь. Но вера как раз и изгнана в первую очередь. Что же остается? – Ад. Поэтому для них жизнь и есть ад, который персонифицируется у них во власти. А пусти-ка их самих к ней? Не дай Бог! Уже два раза государство разваливали.

Если пользоваться метафорой биологической клетки, то она в качестве личности призвана работать «на себя», и только работая на себя истинную, т.е. на раскрытие своей сущности, своего гена, только реализовав себя, может послужить организму. Мертвая клетка ему не нужна, вредна ему. Раковая клетка, размножаясь, поражает и в конечном итоге убивает организм и тот убивает ее же самое через убиение ею организма, в котором она произросла. Здесь самоубийство осуществляется через убийство. То же, что и с искусством: только когда оно «ради искусства», оно – Искусство, а если начинает «служить пролетариату» (капиталу, потреблению – нужное подставить), т.е. какой-либо не связанной с гармонией мира цели, то вырождается вовсе, – это уже не искусство, и оно не нужно никакому пролетариату. Служить народу искусство может, только служа себе! Поскольку оно служит себе – служит и народу просто фактом своего существования.

Вместе с тем, судима будет не только эта уникальная личность, но и семья, этнос, общество, народ в виде определенного государства, человечество в целом. Всё и все судимы, в зависимости от степени дарованной и обретенной свободы и исходящих из нее деяний. В Божьем творении все уникально и все призвано к должному, а значит и все судимо. Мы несем ответственность и будем судимы не только за свои деяния, но и за наших предков (даже за Адама), за наш род, за наш народ, государство, расу, человечество! Все за всё несут ответственность. Всяк за всех виноват. Есть вина как индивидуальная, так и соборная, коллективная, ибо каждый социальный и иной духовный организм призван к своей миссии. Мы будем судимы за то, что сейчас бомбят страны и регионы, не покорившиеся интеллектуальным представлениям об устройстве мира, и там гибнут люди. Мы не все сделали, чтобы предотвратить конфликт.

Сказанное говорит о том, что нельзя ограничиться категорией только соборного спасения. Оно – вторично в сравнении с личным. Поэтому неправильно утверждать лишь соборное спасение, недооценивая при этом роль личного начала. Не следует отрицательно относиться к аскетике, это совершенно не вписывается в православное мировоззрение. Ведь аскетика как пестование духовного не может осуществляться соборно, если понимать ее прямо и буквально. Аскетика всегда индивидуальна и личностна. И это проблема не надуманная, так как есть много людей, которые либо отрицают соборное начало, либо умаляют личное. И то и другое – ошибочно. Личность – альфа и омега, соборность – ее необходимое обрамление. Мысль так.

Отрицание личного спасения (того, что оно в центре, в основе христианства, а не социальное служение, которое есть лишь необходимое, но следствие) – антихристианское утверждение. Все христианство – о личном спасении и в личном спасении! Только лично спасаясь, мы можем составить собор, а иначе это будет толпа маловеров, лишь говорящих о вере. В соборе личность должна быть основой, и Личность, конечно, Христа. Но Он должен открыться в каждом. Личность открытого в каждом Христа впервые организует собор. Собор – объединение уже личностей. Но без него лич-

ность не достаточна, — она восполняет себя в соборе, т. е. достигает искомой целостности и полноты. Соборность — «единство во множестве»¹, поэтому она противостоит как индивидуализму, разрушающему человеческое единство, так и коллективизму, нивелирующему личность.

Еще хотелось бы отметить, завершая наш эсхатологический дискурс: при осмыслении предельной цели мироздания нельзя впадать во «всепрощенчество» апокатастасиса². Сущность человека божественна, но она искажена как первородным грехом, так и собственной порочной волей. А за все это придется нести ответственность вплоть до вечных мук. Они неминуемы для тех, кто не устоит в добре. За это искажение и будет наказание. И, по сути, мы налагаем его сами на себя отступлением от заповеданного, от своей божественной сущности. Так гласит Откровение, и оно истинно, в том числе и с чисто логической, философской точки зрения. Иначе нет абсолютного воздаяния и абсолютных моральных критериев — все рассыпается. И это полностью согласуется с бесконечным милосердием Божиим — Бог может все, даже спасение грешников уже в аду вечных мук, но нам о том нет Откровения. И мы не можем даже полагаться и надеяться на это.

Мы должны жить с мыслью о вечных муках и о вечном блаженстве праведников. И это блаженство — уже в этой жизни для тех, кто уверовал. Эти простые и вместе с тем глубокие мысли, эта идея Откровения не была, к сожалению, постигнута нашими именитыми философами, которые возмущались антигуманностью вечных мук и ратовали за апокатастасис, мысля себя при этом в качестве великих гуманистов. На самом деле, как раз здесь и нет гуманизма, ибо эта методология ведет к разложению морали. Она свойственна скорее для пантеистического метемпсихоза, чем для христианской духовности, которая покончила с «переселениями» индуизма и орфизма-пифагореизма вкупе с платонизмом. Хотя, конечно, мы можем в глубине сердца уповать, что Бог может сделать сделанное несделанным. Но ему тогда еще придется заглушить и нашу скорбь, скорбь нашей совести о неправедно содеянном. Думаю, что корень решения здесь — в чистом сердце. Его Бог не сможет игнорировать, даже если сердце очистилось в последний час жизни. А кто с каким сердцем ушел в мир иной, — ведомо только Ему. Ему же и судить. Но это все настолько тонкие и глубокие мысли, что еще не вылились в определенные догматические формулировки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии: В 4 т. / Ред.-сост. В.В. Соловьев. Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969. 576 с.
2. Глазков А.П. Эсхатологическая историософия и ее онто-феноменологическое измерение: Монография. М.: ИНФРА-М, 2015. 216 с.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 256 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 655 с.
5. Нижников С.А., Гребешев И.В. Генезис и развитие метафизической мысли в России: Монография. М.: Руниверс, 2016. 504 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991. 638 с.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ; Ермак, 2004. 588 с.
8. Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. М.: Московский философский фонд; Медиум, 1994. 1070 с.
9. Шмеман А., прот. Богослужение в секулярный век // Собрание статей, 1947–1983. М.: Русский путь, 2011. С. 72–84.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.
11. Knight W.A. "Eschatology, Religion and World Order." *Religious Studies and Theology* 29.1 (2010): 1–24.
12. Lawlor L. "Eschatology and Positivism: The Critique of Phenomenology in Derrida and Foucault." *Bulletin de la Société Américaine de Philosophie de la Langue Française* 14.1 (2004): 22–42.
13. Moltmann J. *The Coming of God: Christian Eschatology*. Minneapolis: Fortress Press, 2004. 390 p.
14. Pannenberg W. "Can Christianity Do without an Eschatology?." *The Christian Hope*. Eds. G.B. Caird, W. Pannenberg, I.T. Ramsey, J. Klugmann, N. Smart, and W.A. Whitehouse. London: SPCK, 1970, pp. 25–34.
15. Pocock J.G.A. "Time, History and Eschatology in the Thought of Thomas Hobbes." *Politics, Language and Time: Essays on Political Thought and History*. New York: Atheneum, 1971, pp. 148–201.
16. Schmemmann A. "Liturgy and Eschatology." *Sobornost Incorporating Eastern Churches Review London* 7.1 (1985): 6–14.
17. Schmemmann A. *O Death, Where Is Thy Sting?*. Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 2003. 115 p.
18. Webster J. "Eschatology, Anthropology and Postmodernity." *International Journal of Systematic Theology* 2.1 (2000): 13–28.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Нижников, С. А., Лагунов, А. А. Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. эсхатологическое измерение социальной жизни / С.А. Нижников, А.А. Лагунов // Пространство и Время. — 2016. — № 3—4(25—26). — С. 46—54. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provst_st3_4-25_26.2016.21.

¹ Хомяков А.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 242.

² Апокатастасис (греч. ἀποκατάστασις — восстановление, возвращение, завершение) — в христианстве наименование учения о всеобщем спасении (букв. — восстановлении) грешников (людей и даже демонов), не принятого Церковью.